

Ф.Г. Жарский

Кавторанг Буйновский

Буйновский — персонаж рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», капитан второго ранга — кавторанг. «Он недавно... только три месяца в лагере, недавно на общих работах». Возраст Буйновского — «сорок не сорок, а около». Двадцать пять лет каторги Буйновскому дали за то, что он во время войны «...прожил почти целый месяц на английском крейсере, имел там свою каюту... Сопровождал морской конвой. Был офицером связи у них».

К тому же «...уже после войны, — рассказывает Буйновский, — английский адмирал, черт его дернул, прислал мне памятный подарок. “В знак благодарности”». «Удивляюсь и проклинаю!» — произносит Буйновский в адрес не подозревающего о характере советской жизни английского адмирала.

Буйновский образованный и многознающий человек. Своим собригадникам — заключенным он «любит... объяснять. Месяц какой — молодой ли, старый — рассчитает тебе на любой год, на любой день». Он объясняет товарищам сущность декретного времени, — если солнце «на перевале, так значит, не двенадцать, а час», о чем Шухов, например, не знает.

Лагерный день, изображенный в рассказе, не был для Буйновского удачным. При утреннем обыске перед выводом заключенных на работу обнаружили на нем лишнюю, не казенную одежду — «жилетик или напузник какой-то». «Буйновский — в горло, на миноносцах своих привык...: “Вы права не имеете людей на морозе раздевать! Вы девятую статью уголовного кодекса не знаете!..” “Вы не советские люди!”» За это ему дают «десять суток строгого» ареста.

«Залупаться не надо было! — комментирует случившееся Сенька Клевшин. — Обошлось бы все». Шакаливший, то есть облизывающий чужие миски и собирающий окурки Фетяков говорит Буйновскому: «...Восемь лет посидишь — еще и ты собирать будешь». И Шухов думает про себя: «Это верно, и гордей кавторанга люди в лагерь приходили».

На работе Буйновского вначале ставят в пару с Фетюковым, «как бывших начальников», носилками песок носить, для чего «ума не надо». «Фетюков по первым дням на кавторанга даже хвост поднял, покрикивал. Но кавторанг ему двинул в зубы раз, на том и поладили».

Буйновский и «на лагерную работу как на морскую службу смотрит: сказано делать — значит, делай!». Хотя каторжный труд ему нелегко дается. «Осунулся крепко... за последний месяц, а упряжку тянет». Когда отлынивающий от работы Фетюков пристраивается не ко времени к печке и сует... дурак, валенки к самому огню», «кавторанг его за шиворот поднял и к носилкам пихает: “Иди песок носить, фитиль!”»

Только после обеда, съев свою порцию каши, Буйновский позволяет себе расслабиться, законно отдохнуть. Он «разомлел, разогрелся, не имел сил встать и идти на мороз... Такие минуты, — замечает Солженицын, — как сейчас, были (он не знал этого) особенно важными для него минутами, превращавшими его из властного звонкого морского офицера в малоподвижного осмотрительного зэка, только этой малоподвижностью и могущего перемочь отверстанные ему двадцать пять лет тюрьмы».

В эту минуту помбригадира Павло дал ему оказавшуюся лишней, то есть украденную Шуховым, вторую миску каши. «Брови Буйновского поднялись, глаза его смотрели на кашу, как на чудо невиданное... Виноватая улыбка раздвинула истресканные губы капитана, ходившего и вокруг Европы, и Великим северным путем. И он наклонился, счаст-

ливый, над неполным черпаком жидкой овсяной каши, безжирной вовсе, — над овсом и водой».

Шухов одобрил этот поступок помбригадира, решившего поддержать Буйновского, заслужившего уважение своей работой в бригаде, которому к тому же вечером идти в карцер. «Правильно, что капитану отдали. Придет пора, и капитан жить научится, а пока не умеет».

После обеда Буйновский «с Фетюковым вместе раствор носил. По трапу и круто, и уступчиво, не очень он тянул поначалу, Шухов его подгонял легонько: “Кавторанг, побыстрей!”». «Только с каждым носилками кавторанг становился расторопнее, а Фетюков все ленивее: идет... носилки наклонит и раствор выхлюпывает, чтоб легче нести».

«Бригадир! — кричит кавторанг. — Поставь меня с человеком! Не буду я с этим м...ком носить!». Бригадир поставил Буйновского в паре со старательным и совестливым баптистом Алешкой.

В конце рабочего дня Буйновский «даже посерел» от усталости, «с ног уж валится... а тянет».

И все же он не теряет присутствия духа, по дороге в барак, шагая рядом с Шуховым в колонне, поддерживает с ним шуточный разговор о звездах и месяце, добродушно разговаривает с бывшим кинорежиссером Цезарем. На вопрос Цезаря о делах, он прямодушно отвечает: «...Наработался вот, еле спину распрямил». Цезарь дал ему закурить, «он в бригаде одного кавторанга и придерживается, больше ему не с кем душу отвести».

Цезарь заводит с Буйновским разговор о кинофильме С. Эйзенштейна «Броненосец “Потемкин”», о котором кавторанг судит скептически («...морская жизнь там кукольная»). Ситуацию философски осмысливает со стороны Шухов: «Чудно. Чудно вот так посмотреть: степь голая, зона... снег под месяцем блещет. Конвоиры... оружие на изготовку. Стадо черное... эков, и в таком же бушлате, Щ-311, — человек, кому без золотых погон и жизни было не знать, с адмиралом английским якшался, а теперь с Фетюковым носилки таскает. Человека можно и так повернуть, и так...»

В бараке Буйновский после тяжелого трудового дня «веселый, принес в котелке чаю особой заварки», которого взял у Цезаря «горстку, бросил в котелок да сбегал в кипятильник. Довольный такой...». Буйновский чаевничает с Цезарем, получившим из дома посылку.

«Кушайте, капитан... не стесняйтесь. Берите вот рыба копченого. Колбасу берите». — «Спасибо, беру». — «Батон маслом мажьте! Настоящий московский батон!» — «Ай-ай-ай, просто не верится, что где-то еще пекут батоны. Вы знаете, такое внезапное изобилие напоминает мне один случай. Это перед ялтинским совещанием, в Севастополе. Город — абсолютно голодный, — рассказывает Буйновский, — а надо вести американского адмирала показывать. И вот сделали специально магазин полный продуктов, но открыть его тогда, когда увидят нас в полквартале, чтоб не успели жители натискаться. И все равно за одну минуту полмагазина набилось. А там — чего только нет. “Масло, кричат, смотри, масло! Белый хлеб!”»

Тюремная идиллия, однако, скоро кончается. Пришел надзиратель забрать Буйновского в карцер за утренний проступок. Бригадир, желая «хоть на ночь спасти» Буйновского, старается «до проверки дотянуть», после которой забрать заключенного из барака нельзя. Сделать это не удалось.

«Только вздохнул капитан да крикнул. Должно быть темной ночью в море бурное легче ему было эскадру миноносцев выводить, чем сейчас от дружеской беседы в ледяной карцер... Пока он шапку надевал, Цезарь ему пару сигарет сунул. Ну, прощайте, братцы, — растерянно кивнул кавторанг 104-й бригаде и пошел за надзирателем. Крикнули ему в несколько голосов, кто — мол, бодрись, кто — мол, не теряйся, — а что ему скажешь?.. Стены там каменные, пол цементный... Спать — на голых досках, если в зуботряске улежишь, хлеба в день — триста грамм, а баланда — только на третий, шестой и девятый

дни... Десять суток... если их отсидеть строго и до конца — это значит на всю жизнь здоровья лишиться. Туберкулез, и из больницы уже не вылезешь. А по пятнадцать суток строгого кто отсидел — уже те в земле сырой». Так закончился день Буйновский в лагере.